

казалъ призвать меня. Это первый и послѣдній разъ, какъ я увидѣлъ его. Правда, случалось заходить къ нему и прежде, но обыкновенно меня не допускали предъ его очи: онъ всегда былъ занятъ, то обѣдомъ, то сномъ. Я увидѣлъ его въ томъ самомъ облаченіи, въ какомъ въ пекинскомъ монастырѣ «Юнь хо чунъ» онъ красуется идиломъ, воздвигнутымъ усердіемъ богдохана «Юнь чжэна» (царствовалъ съ 1725 — 1736 г.). Принявъ меня грозно, «Фоъ» не поскунился на самыя ругательныя грязныя выраженія, называлъ даже «ванъ па» (черепаха), признавая меня невѣждой за то, что на землѣ я изучалъ классическія книги Конфуція, нисколько не заботясь объ изученіи буддизма, этой, будто бы, единственной истины во всей вселенной; потомъ, уже успѣвъ озадачить меня, онъ спустился на другой тонъ, мягко и ласково увѣщевая меня соблюдать всѣ уставы его обители, за что онъ незамедлительно посвятить меня въ монахи. Съ содроганіемъ сердца услышавъ о столь нищенской карьерѣ, — меня, магистра, закабалить въ монахи, — я, слишкомъ огорченный, забывшись передъ кѣмъ стою, неистово закричалъ: не хочу, не хочу! Такой отчаянный поступокъ, отрицаніе милости «Фоъ», какъ извѣстно, стоить у буддистовъ во главѣ тяжкихъ преступленій; оттого мнѣ бы не миновать страшной расправы. По параграфу 3927 его владычнаго кодекса, мой духъ подлежалъ быть брошеннымъ въ геенну огненную. Хотя въ огнѣ духъ негоряемъ, но за то онъ, должно быть, переваривается, обращаясь въ ничто; а когда онъ обратится въ ничто, духовная связь со своимъ потомствомъ на землѣ конечно навсегда и безслѣдно исчезаетъ. Не было ли бы это самымъ позорнымъ несчастіемъ и для меня и для сына моего; мой сынъ остался бы безъ предка, навѣчно и постыдно осиротѣлъ бы! Но, однакоже, я былъ избавленъ отъ такого позора. Избавленъ не чудомъ какимъ-либо, а только благодаря робости «Фоъ», который вспомнилъ, что «Лао цзы» уже не разъ угрожалъ ему войной за невыдачу его неопитовъ. Да, вся расправа со мной кончилась тѣмъ только, что «Фоъ», удивленный моей дерзостію, еще грознѣе вахмурившись, махнулъ на меня какой-то тряпичей.

Повѣрите ли, «ге ге», что въ тоже самое мгновеніе я очутился на какомъ-то необыкновенномъ баранѣ. Онъ имѣлъ шесть ногъ, три головы, но безъ ушей, шерсть огненная, хотя нисколько не жгучая; онъ что-то говорилъ, но я не понималъ ни слова. Баранъ помчался со мной; то бѣжалъ, то летѣлъ, хотя я не могъ разглядѣть, есть ли у него крылья. А нашъ путь былъ очень трудный. Сколько мимо насъ пронеслось исполинскихъ горъ, обширныхъ быстрыхъ рѣкъ; мы перескакивали пропасти, страш-